

СОБЫТИЙНОСТЬ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ДК 159.9.+2

ОНОМАТОЛОГИЧЕСКИЙ ПАТРИМОНИУМ В ПРЕОДОЛЕНИИ ГЕНДЕРНОГО ИНФАНТИЛИЗМА

Е. Л. Малиновский

*Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный
педагогический университет имени Максима Танка
eugeni.malinowski@gmail.com*

В статье представлена проблема демаркации научного знания относительно ономотологии личности, выдерживающей поле пересечения науки с текстом Священного Писания. Обладание вотчиной (от лат. *patrimonium*) Имени Отца подталкивает стохастический выбор акта высказывания в сыновнем достижении свободы.

Мотив советской песни «Дадим шар земной детям» Д.Тухманова и Н.Хикмета, ровно через сорок лет подхваченный итальянским художником Дарио Гамбарин в портрете «Гигантская Тунберг» площадью 2,7 га, отображает масштабы ювенальной юстиции, которая вменяет подростку чувство значимости, не обременённое этикой самовыражения в преодолении индивидуализма и эгоцентризма. Так, игра с миром всеобщего гендерного равенства иллюстрирует проблему перераспределения критериев воспитательных инноваций из зоны идеологического сопровождения в культурно-историческую актуальность «Образа и подобия» [1, Быт 1:27]. Методологическое основание «асимметричности» исследования иллюстрирует «принцип фальсификации», означающий контроль осмысленности научных теорий, осуществляемый не через поиск подтверждающих гипотез, но, преимущественно, через констатацию фактов их опровергающих [3]. Если никому никогда не удалось фактически опровергнуть образ Божий в человеке, то образовательную инновацию продолжает пронизывать событийность (англ. *eventfulness*) на пересечении (англ. *cross*) психологии с текстом Священного Писания, служащего оно-

матологическим первоисточником науки, искусства, религии, права и самой личности.

Синкретизм гендерного безобразия, как следствие нерасчлененности психических функций на ранних этапах развития ребенка, проявляется в тенденции инфантильного мышления связывать между собой разнородные объекты в отсутствии выделения и соотнесения их внутренних связей и компонентов (Э. Клапаред, 2007). Ж. Пиаже относил синкретизм к основным характеристикам детского мышления, объясняя его неспособность к логическому рассуждению тенденцией заменять синтез соединением лишь внешне рядоположенного образа (Ж. Пиаже, 1999). Согласно Л.С. Выготскому, главенствующая роль в развитии ребёнка отдаётся ближайшему окружению взрослых, воспринимающих и оценивающих явления по их предназначению, в соответствии с культурно-историческим использованием знаков и категорий (Л.С. Выготский, 2012).

Таким образом, с позиций даже диаметрально различных подходов, логический отбор синкретических связей способствует воссозданию ребенком истинного значения слова и правдивой картины мира. В отсутствие логического синтеза и ослабления культурной традиции, синкретические связи индуцируют фантазии гендерного инфантилизма как внутреннее несоответствие взятого на себя ролевого поведения с инверсией детских смыслов «хорошо и плохо», вписывающихся в более раннюю композицию реагирования на ситуацию: «этот, хоть и ростом мал, спорит с грозной птицей» (Вл. Маяковский). Подобная гендерно-инфантильная инверсия тона выступления, с экзальтированно искажённым от гнева лицом Греты на саммите ООН по климату, сопровождала её «пророческий» приговор миру взрослых: «Как вы смеете! Вы пустыми заявлениями украли мои мечты и детство!». И это на фоне 820 млн голодающих со 151 миллионом детей, мечтающих о реальном куске хлеба.

Когда синкретичный эгоцентризм и эмоциональная индукция снисходительно воспринимается как миссия «устаи младенца», прецедент требует скучной и квалифицированной оценки в терминах теории личности. В частности, мотивационный конструкт «плохо-хорошо», лишённый патерналистской поддержки любви, неминуемо приводит к крушению надежд существования в условиях кризиса. На

поверку, оказывается, что «лишённая детства» Грета, на самом деле подвержена когнитивным шаблонам, которые человек «сам же создает, а затем пытается подогнать к тем реалиям, из которых состоит этот мир» (Дж. Келли, 2000). Гипотетические конструкты, неосознанно используемые для прогнозирования повторяющихся событий, не только не позволяют индивиду объяснить чужое, но и проектировать собственное поведение в рамках заданной социумом актуальности исследования. По опыту мы знаем, что промышленная активность человека действительно губительна для природы, вне зависимости от того, что каждый думает о глобальном потеплении. Но психологически важный вывод касается мистической сферы того, что всегда принадлежало вдохновенным заклинаниям и пророческим призывам пропагандистов, безо всяких снисхождений обличениям грешников и призывам к окончательной борьбе против мирового зла за всемирное добро. На протяжении истории, диагнозы, подобные синдрому Аспергера, сопровождали религиозных фанатиков и общественных трибунов.

Для нового поколения Z удерживающим от зла источником является уже не буква транспаранта, но сама логическая личность: «Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь» [1, 2Фес 2:7]. Воспитательной формантой «Удерживания» (англ. Retention) в культурно-историческом понимании истины, красоты и доброты является голос Отца, обладающий, на фоне причинно-следственных связей мира, внутренней властью ему противостояния через act statements или интенциональный акт высказывания. В отличие от Alma mater культуры речевого акта (speech act), патернализм голоса сообразует гносеологию событийности, которая характеризуется обретением ранее неопознанной в экзистенциальном субъекте свободы от власти общества потребления. Путь от идеологии потребления к личному становлению пролегает через исповедание уст, превосходящих сердечное милосердие поступка [1, Рим 10:10]. Малые по численности населения страны мира, как правило, сохраняют патерналистскую традицию удерживания. Например, в Ингушетии возбуждено 13 уголовных дел против бывших полицейских, отказавшихся разгонять мартовский митинг в Магасе. Почитание аксакалов сказалось на их

личном выборе справедливости перед угрозой пенитенциарного наказания.

Эпистемология Имени Отца находится в конфронтации к метафизике языково-терминологических дискурсов «самосознания» [5] и проявляется в патерналистском «Недовольстве культурой» (З.Фрейд, 2012). Только в середине XX века классический и структурный психоанализ выявил матерналистскую подоплёку бессознательного в концепциях идеального языка Дж.Э. Мура, Б.Рассела, А.Уайтхеда, А.Тарского, К.Поппера, А.Айера, доказывающих, что все возможные описания сводятся к атомарным предложениям, однозначно описывающим соответствующие факты. Противники метанарративного матернализма Л.Витгенштейн, Д.Дэвидсон, К.Гёдель, Ж.Лакан, Р.Карнап, У.Куайн, Т. Кун, Дж.Остин, К. Леви-Стросс, П. Фейерабенд, М. Фуко полагают, что все описания зависят от правил и структуры языка; поэтому они не могут быть унифицированы, но «концептуальная схема» языка определяет структуру онтологии: «Быть – значит быть значением связанной переменной» [2].

Если дистанцирование независимой переменной является, преимущественно, матерналистской стратегией сопровождения, то каким образом патерналистский привод мужественности может способствовать социально-психологической детерминанте и биологической предпосылке преодоления конформистских страхов в нехватке связанного бытия? З.Фрейд, подвергший редукции *libido* глаголы *lieben* и любить, категорически отрицал саму возможность «любви к ближнему как себе самому» ввиду трагической зависимости универсального субъекта от его эпигенетических интроекций и самокритических диссоциаций с психической детерминантой *Triebhaubt*. На наш взгляд, событие любви (англ. *event of love*) свершается не за счёт научно фундированного и поэтически символизированного гуманитарного образования, но реально откровенного источника «любви как совокупности совершенства» [1, Евр 11]. Сущность откровения никогда ранее не ставилась в повестку дня психологии, обретающей валидное, надежное, однозначное и точное знание *homo amantis* как личности, совершающей выбор любви. Однако, патримониальная инновация «Се, творю всё новое» [1, Откр 21, 5] является не социальной детерминантой и биологической предпосылкой, но лич-

ностным преодолением «Бессознательного, выстроенного как язык» (Ж.Лакан, 2004). Стратегическая готовность к конфронтации «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» [1, Ин 15:3] есть свобода от тактической ненависти к самовозносящему монстру «Большого красного семиглавого дракона», который «пустил из своей пасти вслед жены воду как реку, дабы увлечь её. Но земля помогла жене и разверзла уста свои, и поглотила реку». Это может означать, что возлюбленный Богом мир стратегически разверзает уста «младенца *мужеского* пола, которому надлежит пасти все народы жезлом железным» [1, Откр 12:5]. Филогенетическим подкреплением компетентного отцовства может служить добровольный целибат папы Франциска, унизившего господство своего понтификата до рабского целования ног воинственным африканским лидерам, умоляя их не лгать и не проливать кровь на Богохранимой планете Земля: «Я не знаю, чего вы хотите, но если вы лжёте, я знаю кто ваш отец».

Акт смиренного высказывания невидимой истины Имени Отца есть культурно-историческая интенция мужества в вихревом потоке символизированных представлений и формализованных требований университета. Студент заочного отделения на семинаре по педагогической психологии поделился «Сущностью воспитания», ввиду своего возвращения к Богу (ивр. *השׁוּבָה* - «ТШУВА») после крупной ссоры с сыном, когда впервые в жизни смог совершить земной поклон в церкви: «И вот, произошло чудо – сын позвонил и попросил прощения». Готовность преподавателя на этом же семинаре к «Префигуративной образованности» (И.А.Зимняя, 1997) сопровождалась признанием своей отцовской несостоятельности в момент отошедшего от веры (лат. *apostasis*) и грубо оскорбившего родительское достоинство сына, который, так и не попросивши прощения, был вероломно зарезан ножом в сердце, в полном соответствии псалму: «Сказал безумец в сердце своём нет Бога» [1, Пс 13] и Евангелию: «Моисей сказал: почитай отца своего и мать свою; и злословящий отца или мать смертью да умрёт» [1, Мк 7:10]. Двойное убийство в Столбцах Минской области показало кризис отцовства, снисходительно «теплохладного» [1, Откр 3:15] к исследованию Библии своим 16-ти летним сыном, который, вместе с учительницей, стал жертвой школьного матернализма, сводящегося, в лучшем случае, к идеоло-

гической выставке «Беларусь и Библия». В трагическом следствии подобного невежества, ближе других к покаянию (гр. Μετάνοια) оказался несчастный отец малолетнего убийцы, когда в тот скорбный день 11 февраля 2019 упал на колени перед родителями жертвы, чтобы просить прощения за грех сына, но был не логично изгнан со двора дома.

Две стратегии мужества – психологическая и Евангельская – складываются в единицу личности, не вписывающейся в заданные субкультурой, в том числе религиозной и атеистической, «образцы» повествования. При смене парадигм, заново начинается поиск соответствия тайны психики надёжному паттерну Закона. Наше исследование показывает, что компетентное отцовство может стать онома-тологически верифицированным посредством конструктивной, внутренней, операциональной и экологической валидности, самого здравого смысла (лат. communicate senses) в патерналистской интенции личности: «В какую бы форму ни вылилось дальнейшее сопротивление характера влияниям покинутых объектом загрузок, все же воздействие первых идентификаций, происходивших в самые ранние годы, будет общим и длительным. Это возвращает нас к возникновению «Идеала Я», так как за ним кроется первая и самая значительная идентификация индивида, а именно - идентификация с Отцом личного правремени» [5]. Психологические понятия очевидны матримониальной заданностью социума в его «плодотворной восприимчивости», терпении и ригидности лишь относительно мужественного «вмешательства, проникновения и авантюризма» (Э.Фромм, 2016). Когда на заре романтического идеализма начала XIX века И.Г.Фихте воскликнул «Пусть покинет меня все остальное, только не мужество», образовательная инновация уже возводила личное достоинство не столько на уровень усвоения знания, сколько в добродетель нравственной направленности при кризисном переходе от страдания к онома-тологии патерналистского выбора. В итоге, язык социально-личностной компетентности на протяжении более двух тысяч лет отстоялся в книге (греч. Βιβλία), по которой «Нет ничего вне текста» (Ж.Деррида, 2004). Текст обеспечивает содержание личности, а голосовая форманта освобождает креативность не только от лишних аффектов субъекта познания, но и от результатов самой деятельнос-

ти, открывая, тем самым, намерение цели в Имени Отца, вдохновляющего личность мужеством как актом полного высказывания себя Другому.

Список использованной литературы

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. (Синодальный перевод). – М.: Издательство: Русский Паломник, 2013. – 1376 с.
2. Куайн, У. В. О. Преследуя истину. Перевод В.А. Суровцева и Н.А. Тарабанова, под общей редакцией В.А. Суровцева. М.: "Канон" РООИ "Реабилитация", 2014. – 176 с.
3. Поппер, К. Логика и рост научных знаний. Избранные работы / Сост. В.Н. Садовский. – М.: «Прогресс», 1983. – 605 с.
4. Фрейд, З. Я и Оно / З. Фрейд. – М.: Издательский дом: Эксмо, 2015. – 864 с.
5. Шукуров, Д.Л. Имя Отца в психоаналитическом дискурсе Жака Лакана // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина: научный журнал. – № 3. Том 5. Психология, 2012. – С. 51-59.